

А. В. Успенская⁵

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И РУССКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ТОПИКА
(Из научного наследия академика А. М. Панченко)**

Одному из крупнейших российских литературоведов и культурологов академику А. М. Панченко в 2017 году исполнилось бы 80 лет. Его наследие опубликовано и хорошо известно специалистам, но представляется, что оно еще долго будет привлекать внимание иссле-

дователей. С одной стороны, академик Панченко был филологом в классическом понимании этого слова. Он был талантливейшим учеником и ближайшим соратником Д. С. Лихачева, изучал преимущественно русскую литературу XVII века, совершил в этой области ряд замечательных открытий. С другой стороны, он одним из первых осознал, что особенности современного гуманитарного дискурса должны иметь не чисто литературоведческий, но междисциплинарный характер, базируясь на данных истории, культурологии, социологии, антропологии.

На протяжении всей своей творческой и научной жизни Панченко занимался именно культурологическим конструированием духовного образа интересовавших его эпох, тем, что называют «ментальностью», с которой связаны и такие понятия, как «культурный обиход», «национальный дух», «топика культуры». Причем «культурному обиходу» Панченко прида-

⁵ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук, почетный работник сферы образования РФ. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Античность в русской поэзии второй половины XIX века», «Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи», «Антропологическая поэзия А. А. Фета», статей о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Д. С. Мережковского, В. В. Набокова, И. А. Бродского и др. Член Союза журналистов Санкт-Петербурга. Почетный профессор СПбГУП. Награждена медалью «100 лет профсоюзам России».

ет особенное значение: «Обиходный слой составляет фундамент слоя событийного. <...> В периоды «спокойного» развития о нем не спорят, носители обихода его как бы не замечают <...>. Но в эпохи скачков обиход превращается в событие»¹.

Чтобы выявить особенные черты, присущие русской национальной культуре, в частности культуре «бунташного» XVII века, необходимо было понять ее схожесть и различие не только с русским культурным обиходом предыдущей и последующей эпох, но и с культурными интенциями Запада. Большой заслугой Панченко как раз и стало открытие, что Петровские реформы явились не сами по себе, силой гениальной личности Петра (эту точку зрения также убедительно опровергал С. М. Соловьев в лекциях, посвященных Петру I). Эти реформы были следствием устремлений самой русской культуры с ее все большей секуляризацией, опорой на самостоятельную и сознательную личность, подспудной жадой динамизма и новизны, переориентацией с идеального прошлого на будущее. Причем эти явления оказывались присущи как суровым традиционалистам, борцам за старину, вроде протопопа Аввакума, так и новатору — царю Алексею Михайловичу. Для подтверждения этих идей Панченко привлекает разнообразный культурный материал: и содержание фаянцев и народных повестей XVII века, и бытовые, «низкие» рисунки на полях серьезных рукописей, и образы двойничества как «русской проблемы», и древнерусскую традицию веселья, скоморошества — то игнорируемую, то откровенно третируемую церковью.

В то же время выявление и сравнение культурных особенностей проходит не только по вертикали (от древнерусского прошлого к будущему культурному перевороту, совершенному Петром), но и по горизонтали: привлекается широкий пласт иноземной культуры — болгар и поляков, немцев и англичан.

Древняя Русь нам кажется периодом закрытости для веяний Запада, чуть ли не культурной автаркии. В таком случае деятельность Петра I действительно могла бы показаться чем-то чуждым национальному российскому характеру и образу жизни. Одна из главных книг академика Панченко «Русская культура в канун Петровских реформ» на фундаментальном материале призвана развеять это заблуждение. Культурное взаимодействие не прекращалось никогда, но в разные эпохи наполнялось различным содержанием. Если при Иване Грозном оно имело охранительный, реакционный смысл — в своем страхе перед новым царь опирался на иностранцев-наемников, массово приглашаемых в Россию, то в эпоху Алексея Михайловича и тем более его сына Петра усиление межкультурной коммуникации означало изменения ради будущего, ради новизны — бытовой и бытийной. С этой целью приглашались греки для исправления священных и богослужебных книг, ту же цель преследовал и Петр, в гораздо большем количестве приглашая немцев и голландцев.

Таким образом, отталкиваясь от древнерусских текстов, обращаясь к разным аспектам русской куль-

туры как Киевской и Московской Руси, так и границы, Панченко выстраивает концепции, выходящие далеко за пределы «чистой» академической филологии. Речь идет о культурном сближении с Западом как необходимом и естественном процессе, о некоем едином пути, который народы Европы проходят обязательно, каждый в свое время.

Конечно, Панченко был не одинок в своих исканиях. Его идеи были тесно связаны с общими тенденциями в российской филологии 1960–1980-х годов. Прежде всего имеется в виду культурологическое учение Д. С. Лихачева, но следует согласиться с мнением одного из авторитетнейших современных петербургских литературоведов С. А. Кибальника, что, говоря об истории отечественной гуманитарной науки этого времени, никто так ни разу и не сказал о существовании в Петербурге особой научной школы — причем не «школы медиевистики», то есть изучения древнерусской литературы, а именно широкой, основополагающей филологической и культурологической школы, связанной в первую очередь с именами Д. С. Лихачева и А. М. Панченко, затем позднего Ю. М. Лотмана, с некоторыми оговорками — Г. М. Фридендера, В. Э. Вацуро, Б. Ф. Егорова, А. Х. Горфункеля. Думается, эта школа, если сравнить ее с гораздо более шумной московско-тартуской семиотической школой, громко заявлявшей о себе с помощью ряда конференций и сборников, сделала не меньше (а возможно, и больше) для отечественной науки.

Для этой школы характерно прежде всего сочетание эмпирического и теоретического подходов, строгость, обилие и последовательность научных доказательств. Не в последнюю очередь это связано с методологией одной из ведущих кафедр филологического факультета Ленинградского (ныне — Петербургского) университета — кафедры классической филологии, оказавшей большое влияние и на русистов. И Лихачев, и Панченко учились древним языкам у лучших преподавателей этой кафедры. И мы видим, как в зрелые годы Панченко, чтобы доказать лишь один тезис, перерабатывает целые тома источников.

Второе свойство этой школы — убеждение в европеизме русской культуры. А. М. Панченко, углубляясь в русскую историю, не мыслит ее в отрыве от западной, он лишь показывает, что Россия несколько позже проходит те же культурные эпохи: «Все европейские страны должны были рано или поздно пройти ренессансную стадию развития. Наступил черед Руси, которой суждено было воспринять ренессансные идеи в барочной упаковке»². Говоря о просторечии книги протопопа Аввакума, Панченко соотносит эту особенность с наступившей в Европе эпохой национальных языков. «Этот путь был неизбежен и для России. Его вскоре санкционировал Петр»³.

Наряду с общеевропейской судьбой, которая, как не сомневается Панченко, есть и российская судьба, его всегда интересовало, существует ли «сердце культуры», то есть «некая неотчуждаемая топика, хотя бы то, что принято называть национальным характером»⁴.

² Панченко А. М. Указ. соч. С. 41.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же. С. 197.

¹ Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 4.

Ученый понимал, что конструирование комплекса *loci communes* (общих мест), а затем проверка их на всем пространстве русской литературы — задача не для одного исследователя. Но и здесь он оставил примечательные заметки. Одна из интереснейших мыслей — о национальной топике, то есть о старых ценностях, выработанных многовековым народным опытом, которые становятся вечными ценностями. Анализируя воинские повести XIII–XVII веков, затем «Полтаву», «Бородино», «Войну и мир», Панченко приходит к выводу, что все эти битвы описаны сходным образом, с помощью одних и тех же литературных средств. Выясняется, что «нация запомнила и сделала символами победы на грани поражений, победы с громадными потерями... Но это как бы окончательные победы. Россия, если можно реставрировать ее символическое мышление по литературе, ставит героизм выше одоления, а самопожертвование и самоотречение выше силы»¹.

Примечательно, что этот комплекс идей в современной науке не имеет безоговорочной поддержки. Один из представителей нового поколения филологов

даже высказывает сожаление, что Панченко занимался «культурным обиходом», «национальным духом», и теперь осуждая это «расхожее и расплывчатое выражение, популярное в фундаменталистских кругах». «В сущности, — утверждает он, — “конструирование комплекса *loci communes*”, присущих определенной эпохе или национальной культуре в целом, есть продолжение стародавнего спора о специфике “русского пути”, о месте России или “славянской цивилизации” в мировом историческом процессе», а эта дискуссия сегодня «кажется малопродуктивной в научном отношении и несколько пугающей в силу своих реальных и потенциальных политических последствий»². Некоторую пикантность ситуации придает то, что приведенное мнение принадлежит сыну академика — А. А. Панченко, безусловно, талантливому ученому. Впрочем, сам Александр Михайлович писал, что эволюция культуры, появление новых точек зрения — «явление не только неизбежное, но и благотворное, потому что культура не может пребывать в застывшем, окостенелом состоянии»³.

¹ Панченко А. М. Указ. соч. С. 201.

² Панченко А. А. От «топики культуры» к «истории обывателя» // Звезда. 2007. № 2. С. 1201. Подробнее об этом см.: Кибальник С. А. Александр Михайлович Панченко и петербургская школа «феноменологии культуры» // Звезда. 2008. № 2. С. 187–198.

³ Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. С. 203.